

Научная статья

УДК 347.965

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ НА ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Уайт Сара Бет, Ph.D., доцент права и содиректор Центра истории права и государственного управления, Школа права Ноттингемского университета, Ноттингем, Великобритания, sarabethw.law77@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы законодательного закрепления адвокатской монополии на оказание юридической помощи. В основе лежит анализ норм законодательства об адвокатской деятельности, а также положений процессуального законодательства в рамках уголовного и гражданского судопроизводства. Основные споры разворачиваются между сторонниками введения адвокатской монополии и её противниками. Сама идея адвокатской монополии в статье характеризуется как вполне обоснованная, по крайней мере, исходя из тех требований, которым обязаны соответствовать адвокаты в части наличия соответствующего образования, опыта (стажа) и квалификации, подтверждённой результатами сдачи соответствующего экзамена. С учётом этого, адвокатская монополия, установленная с некоторыми ограничениями в рамках уголовного судопроизводства, расценивается автором положительно. В рамках же гражданского, административного и арбитражного судопроизводства, а также производства по делам об административных правонарушениях адвокатская монополия не установлена, что позволяет и иным лицам оказывать юридическую помощь. Такой подход в статье тоже поддерживается автором и оценивается как оптимальным, не требующий пересмотра. Предлагается сохранить адвокатскую монополию исключительно в сфере уголовного судопроизводства. Мнение сторонников введения полной адвокатской

монополии во всех областях судебного представительства оценивается в статье как преждевременное.

Ключевые слова: адвокатская монополия, адвокатура, рынок юридических услуг, статус адвоката, статус юриста, юридическая помощь, юридические услуги

Статья поступила в редакцию 24.03.2025, одобрена после рецензирования 23.04.2025, принята к публикации 09.06.2025.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE LAWYER'S MONOPOLY ON LEGAL AID

**Sarah Beth White, Ph.D., Associate Professor of Law and Co-Director of the
Centre for Legal History and Governance, School of Law, University of
Nottingham, Nottingham, United Kingdom**

Abstract

The article discusses the controversial issues of the legislative consolidation of the lawyer's monopoly on the provision of legal aid. It is based on an analysis of the norms of legislation on advocacy, as well as the provisions of procedural legislation in the framework of criminal and civil proceedings. The main disputes unfold between supporters of the introduction of a lawyer's monopoly and its opponents. The very idea of a lawyer's monopoly is characterized in the article as well-founded, at least based on the requirements that lawyers must meet in terms of appropriate education, experience (seniority) and qualifications, confirmed by the results of passing the relevant exam. With this in mind, the lawyer's monopoly, established with some restrictions in the framework of criminal proceedings, is regarded positively by the author. In the framework of civil, administrative, and arbitration proceedings, as well as proceedings on administrative offenses, a lawyer's monopoly has not been established, which allows other persons to provide legal assistance. This approach is also supported by the author

in the article and is assessed as optimal, which does not require revision. It is proposed to preserve the lawyer's monopoly exclusively in the field of criminal proceedings. The opinion of supporters of the introduction of a full lawyer's monopoly in all areas of judicial representation is assessed in the article as premature.

Keywords: lawyer's monopoly, advocacy, legal services market, lawyer's status, lawyer's status, legal aid, legal services

Введение

Адвокатов в сфере оказания юридической помощи (юридических услуг) отчасти можно считать монополистами, если учесть, что лица, не имеющие адвокатского статуса, но имеющие юридическое образование, сталкиваются с определёнными правовыми ограничениями в своей юридической практике. И несмотря на факт закрепления определённых правил и требований, касающихся оказания юридической помощи (юридических услуг), оформивших частичную адвокатскую монополию, вопросы ее введения, сохранения, расширения, отмены продолжают оставаться предметами дискуссий и в научной среде, и в среде адвокатской, и в среде субъектов правотворчества в государственных структурах. Отдельные мнения относительно законодательного закрепления адвокатской монополии заслуживают внимания, которое им уделено в данной статье.

Основная часть

Адвокатская монополия, несмотря на свою определённую ограниченность, сомнений не вызывает, исходя из вполне конкретного законодательного закрепления, прежде всего, в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [4] (далее – Закон об адвокатской деятельности) и источниках процессуального законодательства, в частности, Уголовно-процессуальном кодексе РФ [1] (далее – УПК РФ).

Само слово «монополия» применительно к деятельности адвокатов в законодательстве не употребляется. Однако его широко используют в научном дискурсе и профессиональном обсуждении проблематики, поэтому считаем возможным и в рамках настоящей статьи оперировать указанным термином.

Говоря о такой монополии, нужно в целом отразить специфику адвокатского статуса, опираясь на Закон об адвокатской деятельности. Исходя из ст. 1 указанного Закона, адвокатская деятельность рассматривается в качестве особого вида деятельности, который отличается:

- профессиональным характером;
- нетождественностью предпринимательству;
- преследованием определённых целей.

Профессионализм адвокатской деятельности выражается в том, что и де-факто, и де-юре это, как правило, основная деятельность для адвоката. А на её профессиональный характер указывают, в том числе, и те требования, которым адвокат должен соответствовать по уровню образования, квалификации, опыту, статусу.

Принципиальное отличие от предпринимательской деятельности выражается в том, что деятельность адвоката формально предусматривается как самостоятельная, причем не нацеленная (в отличие от предпринимательства) на извлечение прибыли. Такое отличие представляется сугубо формальным. Фактически в адвокатской деятельности предпринимательская составляющая видится весьма существенной.

Защита прав, свобод, интересов граждан и организаций, обеспечение доступа к правосудию – главные декларируемые цели адвокатской деятельности, согласно ст. 1 указанного Закона.

Адвокат имеет особый статус, являясь субъектом, оказывающим юридическую помощь и выступающим независимым профессиональным советником по правовым вопросам, согласно ст. 2 анализируемого Закона. Поэтому он всегда ориентирован именно на защиту интересов своего доверителя

и не представляет интересы каких-либо иных субъектов, отличных от доверителя, в том числе интересы государства, каких-либо иных организаций и пр.

Учитывая изложенное, нельзя не обратить внимание на отдельные источники процессуального права, регламентирующие вопросы представительства и защиты интересов участников процесса.

Так, УПК РФ, регламентируя вопросы защиты подозреваемого и обвиняемого, наделяет их правом использовать помощь защитника, как и законного представителя (ч. 1 ст. 16 УПК РФ). При этом защитниками могут быть именно адвокаты, хотя и близкого родственника суд в качестве защитника тоже может допустить. Более того, защитником может выступать и иное лицо, если о его допуске ходатайствует обвиняемый. Если же имеет место рассмотрение уголовного дела у мирового судьи, то иное лицо допускается в качестве защитника и вместо адвоката (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). То есть признание за адвокатом монополии, пусть и ограниченной монополии в рамках уголовного процесса, становится очевидным.

Возможность допуска в качестве защитника иного лица в определённой степени можно считать обоснованной, ведь она отражает определенную свободу, которая присуща реализации любого права, в том числе и права на защиту. Однако нельзя не подчеркнуть, что именно адвокат имеет более значимый ресурс для оказания полноценной юридической помощи в рамках уголовного дела хотя бы исходя из того, что возможности оказания давления на него со стороны субъектов уголовного преследования весьма ограничены: производство в отношении адвоката, обыска, осмотра и выемки требует соблюдения дополнительных требований (ст. 450. 1 УПК РФ).

Несколько иначе решается вопрос монополии адвокатов в рамках гражданского судопроизводства. Гражданский процессуальный кодекс РФ [3] (далее – ГПК РФ), согласно ст. 49, допускает в качестве представителей в суде адвокатов и иных лиц, оказывающих юридическую помощь при наличии

высшего юридического образования либо учёной степени по юридической специальности. Исключение составляют дела, которые рассматривают мировые судьи и районные суды, где для представительства достаточно лишь дееспособности и надлежаще оформленных полномочий на ведение дел.

Аналогичным образом вопрос допущения к оказанию юридической помощи иных субъектов решается в рамках административного и арбитражного процесса, где иные лица, имеющие юридическое образование, вправе оказывать соответствующую помощь наравне с адвокатами [5].

Кодекс РФ об административных правонарушениях [2], согласно ст. 25.5, позволяет в качестве защитника или представителя в рамках участвовать как адвокату, так и иному лицу. Причём требования к иному лицу, в том числе в части наличие образования, не установлены данной нормой.

Таким образом, лица, не получившие статуса адвоката, существенно ограничены в возможностях развития своей юридической практики, связанной с оказанием юридической помощи (юридических услуг). Это ограниченность очевидно лишь при обращении к УПК РФ, в рамках которого российский законодатель исключил любые возможности привлечения к участию в уголовном процессе лиц, не имеющих соответствующего статуса. Этому есть вполне понятное объяснение.

Уголовный процесс – наиболее ответственная сфера процессуальных правоотношений и правосудия вообще, чреватая существенными рисками для граждан, которые преследуются в уголовном порядке. Отсюда и необходимость обеспечения максимально высоких требований к лицам, которые должны оказывать юридическую помощь по уголовным делам, особенно с учётом его состязательного характера. И именно в рамках адвокатуры обеспечивается максимально высокий уровень подготовки специалистов. Более того, государство наделяет адвокатов особым статусом, существенно расширяющим их возможности в плане выполнения профессиональных задач по оказанию юридической помощи.

Относительно высокий уровень подготовки адвокатов, по крайней мере с формальной точки зрения, обусловлен, прежде всего, наличием требований к образованию (ст. 9 Закон об адвокатской деятельности), к опыту (стажу) и уровню подготовки, что контролируется посредством обязательного квалификационного экзамен (ст. 10).

Особый адвокатский статус предполагает и наличие определённых специальных гарантий:

- соблюдение адвокатской тайны (ст. 8 Закона об адвокатской деятельности),
- наличие адвокатского иммунитета (ст. 18).
- наличие полномочий направлять адвокатский запрос, который не может быть проигнорирован (ст. 6.1);
- страхование риска ответственности (ст. 19).

Также стоит сказать и о повышенных обязательствах адвоката и наличии относительно жёсткого контроля со стороны адвокатской палаты, членство в которой имеет адвокат.

Безусловно, изложенное не означает, что уровень подготовки и опыт специалистов в области юриспруденции, не имеющих статуса адвоката, автор ставит под сомнение. Тем не менее, в целом именно представители адвокатуры отвечают более высоким требованиям. Отсюда и установление адвокатской монополии может считаться вполне обоснованным.

В литературе взгляды на вопрос адвокатской монополии не отличаются единообразием. Более того, вопрос адвокатской монополии не является таким узким, каким он может показаться на первый взгляд, и им охватывается целый ряд проблемных аспектов, справедливо отмечаемых в работе А.Н. Верещагина [6, с 154]. Первый из них касается определения конкретных сфер, в рамках которых адвокатская монополия должна (может) быть установлена. Эта проблема выходит далеко за рамки гражданско-правовой сферы, в которую включен институт адвокатуры, и касается также уголовного,

гражданского, административного, арбитражного судопроизводства. Немаловажным является и вопрос о том, в рамках каких именно судебных инстанциях адвокатская монополия необходима, а в каких она является излишней. Нельзя игнорировать и вопрос об исключениях из адвокатской монополии. В рамках него возникает необходимость определения тех аспектов отношений, на которые адвокатская монополия не должна или не может распространяться.

Есть ли необходимость в распространении адвокатской монополии на рынок консультационных услуг (по правовым вопросам)? Могут ли быть какие-то альтернативные варианты адвокатской монополии? Каким именно образом надлежит регламентировать вопросы обеспечения доступа к получению статуса адвоката? [6, с 154]. Все эти вопросы существенно расширяют поле для дискуссий по поводу адвокатской монополии, и очевидно, что без их разрешения и широкой поддержки в целом адвокатская монополия не может быть выведена за рамки уголовного процесса, где она сейчас присутствует.

Конечно же, можно предположить, что монополия на оказание юридической помощи или, по крайней мере, представительских услуг, введена будет. Но что повлечёт? Безусловно, практикующие юристы, не имеющие статуса адвоката, устремятся получить его, предприняв необходимые меры. А учитывая тот факт, что количество таких специалистов существенно превосходит количество адвокатов, сама численность адвокатов существенно возрастет, что потребует и со стороны государства определённых мер по обеспечению соответствующего контроля в этой сфере [10, с. 85]. Готово ли оно на сегодняшний день к этому? Думается, что нет, особенно учитывая современный уровень развития адвокатуры.

Полагаем, что на сегодняшний день для государства в большей мере актуальны задача обеспечения надлежащего рассмотрения судебных дел, сокращения сроков разрешения споров, нежели вмешательство в развитие рынка

юридических услуг и юридической помощи, более широкого, чем сфера адвокатуры.

Стоит, однако, согласиться с теми авторами, которые отмечают недостаточно высокий уровень квалификации некоторой части юристов, в том числе оказывающих предоставляющие юридические услуги [8, с. 488]. Но данная проблема в большей мере является не проблемой рынка юридических услуг, а проблемой самого образования в целом и юридического образования в частности, поэтому именно на повышение уровня образования должно быть ориентировано на государство в первую очередь.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые указывают на наличие некоторого опыта, связанного с попытками введения адвокатской монополии в начале 2000-х гг. Однако тогда попытки реализации соответствующей инициативы повлекли лишь удорожание юридических услуг. Что же касается качества, то оно существенно не улучшилось. Исходя из этого высказывается мнение о неготовности юридического сообщества к введению полноценной адвокатской монополии на судебное представительство [9, с. 348].

Отдельные исследователи обращают особое внимание на необходимость исключения недобросовестных консультантов из профессии с обязательным введением реестра недобросовестных юристов [7, с. 83]. Подобные идеи в целом у автора находят понимание. Однако этот вопрос тоже не является столь однозначным.

Что представляет собой недобросовестность в рамках деятельности по оказанию юридической помощи – однозначно сказать невозможно. Конечно, можно ориентироваться на профессиональные стандарты и адвокатскую этику. Но оценка действий или бездействия конкретного юриста – это всегда вопрос субъективный, и он может решаться весьма неоднозначно, особенно с учётом того, что сама сфера юриспруденции является местом возникновения и разрешения самых разных конфликтов. В этой связи не могут быть исключены

ситуации, когда тот или иной специалист намеренно дискредитируется какой-либо заинтересованной стороной.

Заключение

Вопрос адвокатской монополии на сегодняшний день является открытым. По мнению автора, в оптимальном варианте такая монополия должна сохраняться лишь в рамках уголовного судопроизводства. Что же касается гражданско-правовой и административной сфер, то в их рамках введение адвокатской монополии представляется преждевременным, хотя и исключить такой вариант нельзя. В любом случае готовность российского юридического сообщества и адвокатуры к введению монополии адвокатов на судебное представительство пока сомнительна.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Верещагин А.Н. К оценке обоснованности адвокатской монополии // Экономическая политика. 2017. Т. 12, № 2, 2017. С. 152–179.
7. Зарина А.М. Адвокатская монополия: миф или реальность // Евразийская адвокатура. 2024. № 6(71). С. 81–84.

8. Мещлер В.Э., Кушнарев А.С. Перспективы внедрения адвокатской монополии в гражданское судопроизводство // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. С. 484–489.
9. Никулина С.В. Реформа судебного представительства: адвокатская монополия // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 11(99). С. 345–349.
10. Юсупова А.Н. Актуальные вопросы о введение адвокатской монополии на рынке юридических услуг // Цивилистика: право и процесс. 2023. № 4(24). С. 83–86.

References

1. Ugolovno-processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konul'tantPlyus».
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konul'tantPlyus».
3. Grazhdanskij processual'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konul'tantPlyus».
4. Federal'ny`j zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ (red. ot 22.04.2024) «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konul'tantPlyus».
5. Obzor sudebnoj praktiki Verxovnogo Suda RF № 4 (2019) (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 25.12.2019) // SPS «Konul'tantPlyus».
6. Vereshhagin A.N. K ocenke obosnovannosti advokatskoj monopolii // E`konomicheskaya politika. 2017. T. 12, № 2, 2017. S. 152–179.
7. Zarina A.M. Advokatskaya monopoliya: mif ili real'nost' // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 6(71). S. 81–84.
8. Meczler V.E`., Kushnarev A.S. Perspektivy` vnedreniya advokatskoj monopolii v grazhdanskoe sudoproizvodstvo // Voprosy` rossijskoj yusticii. 2024. № 30. S. 484–489.

9. Nikulina S.V. Reforma sudebnogo predstavitel'stva: advokatskaya monopoliya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2024. № 11(99). S. 345–349.
10. Yusupova A.N. Aktual'ny'e voprosy` o vvedenie advokatskoj monopolii na ry`nke yuridicheskix uslug // Civilistika: pravo i process. 2023. № 4(24). S. 83–86.